

«Утопическое начало в русской литературе 1920–1930-х годов» («Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова в контексте эпохи)¹

Н. В. Михаленко

Наталья Владимировна Михаленко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН; ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Аннотация. «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова тесно связано с литературно-философскими идеями конца XIX — начала XX века. Можно с уверенностью говорить, что его утопия была создана как под влиянием футурологических проектов В. Морриса, Т. Мора, Э. Беллами и других авторов, упоминаемых в его произведении, так и представлений, получивших интерпретацию в текстах С. А. Есенина, В. В. Маяковского, В. Т. Кириллова, Е. И. Замятина, А. П. Платонова. Образ крестьянского эдема, воплотивший в литературной форме экономическую теорию Чаянова, схож с мечтами новокрестьянских поэтов об избыточном рае, сохранении традиционных ценностей, народной культуре. Развитие техники и технологий, воздухоплавания описаны в текстах Маяковского, Замятина, а в утопии Чаянова реализована идея управления метеорологическими процессами. Размышления писателей о том, каким будет человек будущего, отразились в интерпретации его возможных теургических амбиций и тех результатов, к которым они могут привести (искусственный отбор, регламентация многих сторон жизни, принудительная максимальная реализация талантов, убийство или отделение инкомыслящих и т. д.). Воплощенные в разной художественной форме представления писателей-футурологов о перспективах развития общества, науки, культуры, искусства каждый раз проверялись тем, насколько человек способен оценить границы власти над природой, не стремясь ее преодолеть и покорить, переделать в соответствии с технологическим вызовом.

Ключевые слова: утопия, утопическое начало в русской литературе 1920–1930-х годов, А. В. Чаянов, А. А. Богданов, В. В. Маяковский, С. А. Есенин, А. П. Платонов, Е. И. Замятин

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-6-20

«Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова тесно связано с традицией футурологической литературы. Писатель, как и его главный герой перед мистическим перемещением в будущее, ведет своеобразный диалог не только с уто-

1. Статья подготовлена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН в ходе работы по гранту Российского научного фонда (проект РНФ № 17-18-01432-П).

пистами прошлого (Томасом Мором, Эдуардом Беллами, Робертом Блечфордом, Шарлем Фурье, Александром Герценом, Петром Кропоткиным) (Чаянов, 2006: 221–222), но и интерпретирует те эволюционные прогнозы, которые были высказаны в произведениях русской литературы конца XIX — начала XX века.

Образ счастливой гармоничной жизни, высшего развития сил человека воплощен во многих произведениях того времени. Так, в романе А. А. Богданова «Красная звезда» представлено идеальное общество Марса. М. Метерлинк в своей драмо-феерии «Синяя птица», которая с 1908 года с успехом шла в Московском Художественном театре, создал образ умного делания, претворенного в будущем. В опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» была проинтерпретирована мечта об утраченном рае. В «деревенском космосе» С. А. Есенина преобразование мира вершил герой-теург, пророк. В «Первомайском сне» В. Т. Кириллова (Кириллов, 1923), ставшем «пролетарским ответом» «крестьянской» утопии (Никё, 1992: 611), повторены чаяновские идеи о бережном отношении к памяти прошлого, отсутствии деления на город и деревню. Некоторые элементы футурологических прогнозов В. В. Маяковского, пафос эволюционного преобразования характерны и для концепции страны будущего Чаянова. Предостережения об опасности искусственного отбора выступают в качестве лейтмотива в произведениях Е. И. Замятина и А. П. Платонова.

В романе² Чаянова Алексей Иванович Кремнев, обладатель трудовой книжки № 37413, член коллегии Мирсовнархоза, «душитель крестьянского движения России» (Чаянов, 2006: 256), вернувшийся домой после митинга в Политехническом музее, вспоминает утопические идеалы Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Г. В. Плеханова (Чаянов, 2006: 221) и с горечью осознает, что в жизни советской страны «социалистический рай» (Чаянов, 2006: 223) так и не был воплощен. Он мистическим образом попадает в будущее, в Москву 1984 года, где в результате борьбы политических сил победила крестьянская партия.

В представлении героя социалистический строй противопоставлен «мракобесию капиталистической реакции» (Чаянов, 2006: 223). Чаянов, создатель учения о трудовом крестьянском хозяйстве, переносит своего героя в будущее, чтобы показать еще один возможный вариант развития жизни в России. Перемещение Кремнева в страну крестьянской утопии происходит inferнальным образом, в стилистике Э. Т. А. Гофмана, произведения которого хорошо знал Чаянов³. После прямого вопроса героя

2. Определение жанра «Путешествия...» дано самим Чаяновым.

3. Свою первую повесть «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.» (1918) Чаянов посвятил «Памяти великого магистра Эрнеста Теодора Амадея Гофмана» (Чаянов, 2006: 49).

об идеале общественного устройства осуществляется мгновенное путешествие во времени: «В комнате удушливо запахло серой. Стрелки больших настенных часов завертелись все быстрее и быстрее и в неистовом вращении скрылись из глаз. Листки отрывного календаря с шумом отрывались сами собой и взвивались кверху, вихрями бумаги наполняя комнату» (Чаянов, 2006: 223). Писатель обращается здесь к традиционной структурообразующей схеме путешествия (странствование в поисках идеального мира, а также его открытие и описание), которая в первой половине XX века трансформировалась в жанре утопии, включив в себя сюжет с ярко выраженной динамикой, обусловленный как «перипетийностью внешних событий, так и сложной психологией героя» (Павлова, 2006: 301). Роман Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) соединил как черты травелога, следуя традиции путешествия в русской литературе XVIII–XIX веков (М. М. Щербатов «Путешествие в землю Офирскую» (1784), Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника» и др.), так и черты амбивалентной метаутопической картины мира.

Создавая картину утопической России, Чаянов опирался на свои экономические, педагогические, искусствоведческие теории. Например, вопросы о способах увеличения рентабельности сельского хозяйства, влияния на метеорологические процессы, кооперации, организации семейного хозяйства — можно найти в его работах «Что такое аграрный вопрос» (1917), «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» (1924), «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928), «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (1919), «Организация крестьянского хозяйства» (1925) и др.⁴ В своих экономических работах Чаянов, как и в «Путешествии...», писал о том, что мелкое семейное производство, как и много веков назад, должно сохраниться там, где оно удобнее крупного, что в развитии крестьянской кооперации — залог успешного роста сельского хозяйства.

Наряду с достижениями науки и техники (регулирование атмосферных осадков, воздухоплавание и т. д.) в стране крестьянской утопии тщательно оберегаются традиции прошлого, обязательным для человека считается знание произведений искусства, литературы, истории, через которые происходит более глубокое постиже-

4. Характерно, что А. М. Никулин рассматривает экономические работы Чаянова («Опыты изучения изолированного государства» (1915–1923)), «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928) и литературное «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) как три взаимосвязанные футурологические концепции, в которых отразились черты научного и художественного мировоззрения ученого и писателя (Никулин, 2020: 12).

ние человеком как самого себя, так и области своей деятельности (о создании разветвленной сети музеев, введении произведений искусства в жизнь широких слоев населения Чаянов писал в своей монографии «Старая западная гравюра» (1927) (Чаянов, 1926). Новую страну Кремневу показывают члены семьи Мининых, которые принимают «пришельца с того света» (Чаянов, 2006: 244) за американского экономиста Чарли Мена, приезда которого они ждали. Кремнев знакомится с историей страны, ее культурой, образом жизни, идеологией. Но за красивой утопической декорацией герой видит общество, построенное на основе искусственного отбора. Обман Кремнева раскрывается, и он, подвергающийся сомнению идеалы новой страны, оказывается выброшен из ее жизни. Таким образом, герой, не принявший ни идеалы Страны Советов 1920-х годов, ни устройство России 1984 года, становится человеком вне общества. На этом и обрывается роман Чаянова (хотя в его заглавии и обозначено, что представленный текст — только первая часть истории Кремнева), это разрушает рамку травелога, обрывает утопическое путешествие.

«Путешествие...» Чаянова тесно связано с литературой рубежа веков. В тексте романа отразился как комплекс идей, генетически обусловленных проектами социальных утопий XVI–XIX веков, так и представлений, которые обсуждались в литературе 1920–1930-х годов.

Исследователь философского контекста русской литературы начала XX века О. А. Казнина отмечала, что в произведении Чаянова сильно влияние идей евразийства. По ее мнению, в статье Л. П. Карсавина «Основы политики» («Евразийский временник», 1927) была создана близкая чаяновскому произведению картина утопического государства (Казнина, 2003: 246). Л. Н. Чертков считал, что Чаянов показал «осовремененный и просвещенный вариант славянофильского идеала России» (Чертков, 1989: 39–42).

Идеал утопической крестьянской страны Чаянова схож с «аграрно-патриархальным видением будущего», земного рая у крестьянских поэтов (С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. А. Клычков) (Соливетти, 1995: 299). Эти «защитники традиционной национальной красоты попытались воссоздать и сохранить в памяти людей фантастический крестьянский космос, где Бог, природа, люди, жнецы, пахари и скотоводы живут в согласии друг с другом» (Скороспелова, 2006: 149).

Образ крестьянского, лубочного рая создал в своих библейских поэмах («Пантократор», 1917; «Инония», 1918 и др.) Есенин, описавший «вселенский вертоград» будущего искусства, где «люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего древа, имя которому социализм, или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашни, где “избы новые, кипарисовым тесом крытые”,

где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сычёною брагой» («Ключи Марии», Есенин, 2005: 202). Есенин создал образ «Руси мужичьей, страны народа-богоносца, мессианской колыбели, «мужичьих яслей» (Семенова, 2001: 111). Изображение ярмарки, куда приходит главный герой утопии Чайнова, близко есенинскому представлению о крестьянском рае: «На прилавке лежали горы тульских пряников, поджаренных и с цукатами, тверские мятные стерлядкой и генералом и сочная разноцветная коломенская пастила. <...> Мальчишки свистали, как в доброе старое время, в глиняных золоченых петушков, как, впрочем, они свистали и при царе Иване Васильевиче, и Великом Новгороде. Двухрядная гармоника наигрывала польку с ходом» (Чайнов, 2006: 254).

В жизни утопической страны, изображенной в романе Чайнова, возвращение к прошлому имеет глубокое научное обоснование: «В основе нашего хозяйственного строя, так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считали и считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности» (Чайнов, 2006: 245). Эти идеи перекликаются и с деревенской утопией Н. Ф. Федорова (Соливетти, 1995: 299). В основе утопического сельского хозяйства лежит ручной труд, уровень развития техники и технологий очень высок. Интересно, что и в библейских поэмах Есенина, в его «Октоихе» (1917) также воплотилась эта идея преобразования «небесно-земледельческой культуры» (по Федорову): «...тут и усмирение бурь, и вызывание дождя по своей воле, и разумная регуляция земледелия» (Семенова, 2001: 114): «Плечью трясем мы небо, / Руками зыбим мрак / И в тощий колос хлеба / Вдыхаем звездный злак. / <...> Овсом мы кормим бурю, / Молитвой поим дол, / И пашню голубую / Нам пашет разум-вол» (Есенин, 1997: 42).

В библейских поэмах Есенина отразился пафос строительства нового мира, образ нового человека. Например, «пророк Есенин Сергей» вершит космические преобразования, способен своей фигурой связать небо и землю, стремится к тому, чтобы из жизни ушли боль и страдания: «Я сегодня рукой упругою / Готов повернуть весь мир... / Грозовой расплескались выюгою / От плечей моих восемь крыл» (Есенин, 1997: 62); «Языком вылижу на иконах я / Лики мучеников и святых. / Обещаю вам град Инонию, / Где живет божество живых!» (Есенин, 1997: 62). В этой связи важно упомянуть книгу Н. А. Бердяева «Смысл творчества», которая была в библиотеке поэта и оказала на него влияние. Философ писал: теургия — искусство, «творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее». Теургия для него — совместное действие Бога и человека — «богодействие, богочеловеческое творчество» (Бердяев, 1993: 236).

Крестьянские утопии Есенина и Чаянова имеют много общих черт. В них говорится о важности земледельческой народной культуры, традиционных ценностей, сохранении связи человека с природой, внимательном отношении к прошлому, памяти предков. Но если в своем произведении Чаянов, описав жизнь в усовершенствованном государстве, предостерегает от изменения природы людей, то Есенин говорит о необходимости постижения человеком самого себя через открытие силы слова, понимании его глубинных смыслов.

Два различных взгляда на будущее человечества отразились в утопиях Маяковского и Чаянова. Концепция Чаянова — проверка на литературном материале его научно-экономических идей, идея Маяковского заключается в коренной трансформации не только жизни людей, но и самого человека, преодолении законов бытия (смерти).

Представления Маяковского связаны с Пролеткультом, комплексом социально-политических, нравственных и эстетических принципов грандиозного переустройства действительности, основу которого составляли культ машин, индустриального производства и рожденного им «нового человека» — преобразователя мира. В произведениях пролетарских писателей М. П. Герасимова, А. К. Гастева, В. Т. Кириллова звучал гимн в честь человека как творца нового мира, «спасителя, земли властелина, владыки сил титанических». Человеческую природу необходимо было изменить по образу и подобию совершенной машины. Иными словами, урбанистическая культура, механизация многих сторон жизни человека выдвигались на первый план.

Идеи Маяковского и Чаянова, на первый взгляд диаметрально противоположные, имеют много общих черт. Так, оба автора создают образ города-сада, в котором решена экологическая проблема, разумно регулируются метеорологические процессы, в стране будущего устранены проблемы инфраструктуры, нет болезней. Но если концепция Чаянова основывалась на научной теории, то Маяковский шел дальше в развитии утопии — писал о победе над смертью, о творении мира силой искусства.

В стихах («Два мая») и поэмах («150 000 000», «Летающий пролетарий», «Пятый Интернационал», «Мистерия-буфф») Маяковского создан гиперболический, поэтический образ будущего, где люди становятся теургами, могут силой слова созидать новые миры. Им подвластно управление стихиями и даже планетами, регуляция атмосферных явлений. Изменяется сама природа человека. У Маяковского мировая революция видится или как «прямое нашествие красной России, катализирующей революционное брожение и восстановление на Западе (“150 000 000”), или как красная буря... налетающая из России и охватывающая страны и континенты (“Пятый Интернационал”» (Семенова, 2001: 170–171). Или, как в поэме «Летающий пролетарий» (1925), мировая революция торжествует после

фантастической аэробитвы («только одни лучи да химия») с Америкой — «разбитой буржуазии оплотом» — и восстания американских рабочих.

Эволюция утопической картины у Маяковского идет от образа лубочного рая в «Мистерии-буфф» до развернутой детальной картины будущего в «150 000 000», где «космическая регуляция соединяется с идеально обихоженой землей, с расцветом техники, прежде всего летательной, общением с марсианами и жителями других планет» (Семенова, 2001: 171). Идеал будущего во всей полноте, вероятно, должен был появиться в поэме «Пятый Интернационал» (1922). Уже в прологе («IV Интернационал») он писал о своем главном стремлении: «В грядущее / тыкаюсь / пальцем-строчкой, / в грядущее / глазом образа вросся» (Маяковский, 1957: 102). Будущее должно было оправдать тяготы, невзгоды и жестокость настоящего, но не только обещанием материального благополучия, но и главным образом эволюцией человеческого духа: «Взрывами мысли головы содрогая, / артиллерией сердце уха, / встает из времен / революция другая — / третья революция / духа» (Маяковский, 1957: 103).

В стране грядущего реализован призыв поэта: «Даешь / небо!» (Маяковский, 1957а: 361), «чтоб в будущем / веке / жизнь человечья ракетой / неслась в небеса» (Маяковский, 1957а: 360). Маяковский создал образ технического прогресса и победы над расстоянием: «Небо — / в самолетах юрких» (Маяковский, 1957а: 350), «Небо перемахну во всю длину» (Маяковский, 1957а: 353). Благодаря этому меняется и быт человека, мобильность его жизни: «Теперь / приставил / крыло и колеса / да вместе с домом / взял / и понесся» (Маяковский, 1957а: 356).

В утопии Чаянова также представлено развитие автомобильного и авиационного транспорта: «Легкий аэропиль доставил их к трем часам на аэродром центра» (Чаянов, 2006: 266), «Тысячи автомобилей и конных экипажей в несколько рядов сплошным потоком стремились к центру города, по широким тротуарам двигалась сплошная толпа пешеходов» (Чаянов, 2006: 229). Развитая инфраструктура, возможность быстрого перемещения способствуют тому, что страна организована как сеть крестьянских поселений.

У Маяковского здравницу власти Советов произносит вся Вселенная. Оптимистическим гимнам труда вторят не только люди, но и планеты:

Миллионами
становятся в ряд
самолеты
на первомайский парад. <...>
По радио

к звездам
 — никак не менее! —
 гимны
 труда
 раскатило
 в пение.
 И не моргнув
 (приятно и им!)
 планеты
 в ответ
 рассылают гимн. <...>
 А музыка
 плещется,
 катится,
 льет,
 пока
 сигнал
 огласит
 — разлёт!

(«Два мая», Маяковский, 1957а: 115).

Интересно, что и в стране крестьянской утопии Чаянова, государственным гимном которой стал «Прометей» А. Н. Скрябина, это музыкальное произведение исполняется не в концертном зале, а колоколами церквей: «Через минуту густой удар Полиелейного колокола загудел и пронесся над Москвой, ему в октаву отозвались Кадаши, Никола Большой Крест, Зачатьевский монастырь <...>. Медные звуки, падающие с высоты на головы стихшей толпы, были подобны взмахам крыл какой-то неведомой птицы» (Чаянов, 2006: 268). Весь город объединен музыкой, зовущей к теургическим свершениям.

И Маяковский, и Чаянов писали об изменении градостроительной политики будущего. Но если у Маяковского — это бесконечный город-сад, который протянется «за горизонт», заставит «попятиться тайгу», то у Чаянова — это заполненный садами город-пигмей: «Город казался сплошным парком, среди которого архитектурные группы возникали направо и налево, походили на маленькие затерявшиеся городки» (Чаянов, 2006: 229). А. А. Минин, один из создателей крестьянской страны, объяснял Алексею Кремневу, что новая Россия — аграрная страна, построенная по принципу «русской деревни севера» (Чаянов, 2006: 235): «Видите ли, раньше город был самодовлеющ, деревня была не более как его пьедестал. Теперь, если хотите, городов вовсе

нет, есть только место приложения узла социальных связей. Каждый из наших городов — это просто место сборища, центральная площадь уезда. Это не место жизни, а место празднеств, собраний и некоторых дел. Пункт, а не социальное существо» (Чаянов, 2006: 233).

Лирический герой Маяковского, как и утопические жители у Чаянова, мыслит себя теургом. В «Приказе № 3», написанной части «Пятого Интернационала», Маяковский говорит о миссии поэта в преображенном мире: «Я 28 лет отрачиваю мозг / не для обнюхивания, / а для изобретения роз» («Пятый Интернационал», Маяковский, 1957: 107).

Труд поэта должен быть таким же формирующим жизнь, эффективным, как и труд выдающихся изобретателей, мыслителей, революционеров. Поэт — «грядущих дней агитатор» (Маяковский, 1957а: 359).

Утопические герои Чаянова также проникнуты теургическими идеями. Так, Параскева, которая первая встречает Кремнева в стране будущего, в рассуждениях об изобразительном искусстве требует от художника «конгениальности с творцом вселенной», в картине она ценит «силу волшебства, искру Прометееву, дающую новую сущность».

Земледельческий труд считается в крестьянской утопии «совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда» (Чаянов, 2006: 245). Апофеоз теургической деятельности — «идея искусственного подбора и содействия организации талантливых жизней» (Чаянов, 2006: 263). Когда Кремнев в ужасе задает Минину вопрос, «какими идеями стимулировалась ваша работа над созданием сего крестьянского эдема», «кто вы: авгуры или фанатики долга?» (Чаянов, 2006: 265), он узнает, что руководители страны считают себя «людьми искусства», «которых ведут искры Прометеева огня творчества» (Чаянов, 2006: 266).

Утопия Маяковского — это поэтический призыв работать ради грядущего, трудиться, чтобы приблизить его воплощение. Утопические идеи Чаянова — обоснованная научная теория, в которой показаны возможные пути построения государства. Сходные в утопических картинах, образы будущего Чаянова и Маяковского опираются на главенство разных социальных слоев. Правящий класс у Маяковского — рабочие, Чаянов строит утопическую картину на главенстве крестьянского, земледельческого труда. Если поэт призывает человека стать теургом, то Чаянов предостерегает от появления «авгуров духа», установления искусственного отбора. Основой жизни в утопической стране является семья — в отличие, например, от «Мы» Е. И. Замятина и «Красной звезды» А. А. Бог-

данова⁵, где люди живут огромным коллективом, воспитание детей поручено специальным учреждениям. Роман Чаянова как раз и начинается с того, как вернувшийся с очередного партсоборания коммунистический деятель Кремнев ощущает диссонанс между лозунгами и правдой жизни: «Утомленная голова ныла и уже привычно мыслила, не думая, сознавала, не делая выводов <...> Разрушая семейный очаг, мы тем самым наносим последний удар буржуазному строю!» (Чаянов, 2006: 220). Деятельность новой власти по сносу устоев жизни быстра и безапелляционна: Кремнев идет «...к полуразрушенному семейному очагу, обреченному в недельный срок к полному уничтожению» (Чаянов, 2006: 220). А название одной из глав говорит само за себя — «Глава седьмая, убеждающая всех желающих в том, что семья есть семья — и всегда семьей останется» (Чаянов, 2006: 237).

Осмысление последствий развития евгеники отразилось в романах Чаянова и Замятина. В крестьянской утопии «главная идея, облегчившая нам разрешение проблемы, была идея искусственно-го подбора и содействия организации талантливых жизней» (Чаянов, 2006: 263). Учтены и решены проблемы человеческих болезней, пороков развития, патологий. Мотив отдаленности, ограниченности мира будущего, важный для антиутопии Замятина, развивается и у Чаянова. Весь мир разделен на несколько политических изолированных систем, каждая страна существует обособленно. Историческая правда многих событий стерта в глазах новых поколений. В утопической Москве Кремнев видит памятник Ленину, Керенскому и Милюкову — они «дружески поддерживают друг друга» (Чаянов, 2006: 230). Для людей будущего все они «сотоварищи по одной революционной работе» и не важно, «какая между ними была разница» (Чаянов, 2006: 231). История в представлении утопических обывателей обобщена, она предстает в радостно-оптимистическом свете.

В статье «О синтетизме» Замятин упоминал Вавилонскую башню и Питера Брейгеля Старшего (ок. 1525–1569), автора картин «Малая Вавилонская башня» и «Большая Вавилонская башня» (Замятин, 2004). Этот символ есть и в «Путешествии...» Чаянова (Михаленко, 2016). В антиутопии «Мы» мотив соблазнения Адама и Евы скрыт в сюжете обретения истинного знания главным героем (Д-503), а символика древнего зиккурта связана с космическим кораблем ИНТЕГРАЛОМ, на котором люди Единого Государства должны покорить и подчинить инопланетные народы, сделать их «математически-безошибочно» счастливыми. Герой сравнивается с «неким мифическим богом в седьмой день творения», «башней», способной все разрушить. Он приравнивает себя к людям прежних

5. Сравнение социальных мировоззрений Богданова и Чаянова проведено в книге А. М. Никулина См. главу «Богданов и Чаянов: индустриализм Марса и аграризм Москвы» (Никулин, 2020: 85–107).

поколений, победивших «старого Бога и старую жизнь» (Замятин, 2003: 214–215). Само бытие Единого Государства — тщательно выстроенная и организованная башня, где применяются методы евгеники и над людскими умами властвует математически-стерильная религия с сакральными артефактами (Скрижаль), а люди, потребляющие нефтяную пищу, стали своеобразными городскими биороботами, ведь деревни и сельского хозяйства не существует, как и хлеба.

В «Котловане» А. П. Платонова интерпретированы близкие произведениям Чайнова и Замятина мотивы. Здесь создан образ стройки грандиозного «единого здания, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата» (Платонов, 2000: 32). Показано самое начало сооружения такой Вавилонской башни — все расширяющийся и углубляющийся котлован. Но в его основе, как и при закладке древних зиккуратов, уже много жертвенной крови. Одновременно с постройкой общего дома происходят процессы коллективизации и раскулачивания, сопровождающиеся картинами Апокалипсиса. Умирают сельскохозяйственные животные кулаков, а самих людей сплавляют по реке на плоту. Причем возникают аллюзии к образу Ноева ковчега — люди, до этого враждовавшие, примиряются. Новое государство готовится полностью переделать мир, не зря герои задумываются о «прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни» (Платонов, 2000: 66), люди существуют «без душевной прилежности» (Платонов, 2000: 78). Важную роль в создании теургического мифа, как и у Чайнова, здесь имеет исполнение музыкальных произведений: «Тревожные звуки внезапной музыки давали чувство совести, они предлагали беречь время жизни, пройти даль надежды до конца и достигнуть ее, чтобы найти там источник этого волнующего пения и не заплакать перед смертью от тоски тщетности» (Платонов, 2000: 189).

Как писал Ханс Гюнтер, в «Котловане» вместо положительной восходящей линии строения башни выходит обратное — движение вглубь земли. Это уже совершенное отрицание утопического дома, его превращение в прямую противоположность, в «пропасть» (Гюнтер, 1995: 145–151).

Носителем мечты о строящемся доме в «Котловане» является прежде всего инженер Прушевский, которому принадлежит идея общепролетарского дома. Но Прушевскому, «проходящему» человеку старой эпохи без веры в будущее, кажется, что не ему суждено завершить эту задачу, а «через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всего земного шара» (Чайнов, 2006: 428).

В итоге строительства общепролетарского дома получается не башня для защиты жизни, а место для мертвых, некрополь. В этом можно увидеть инверсию центрального утопического мотива.

Утопия Чаянова, сходная с идеями новокрестьян, славянофилов и евразийцев, содержащая в себе прогнозы, близкие идеям Маяковского, и предостережения, сходные с представлениями Замятина и Платонова, далека от положительного общественного идеала. Новая страна не только бережно хранит традиционные ценности, но и применяет «манипулятивные практики, основанные на идее “трансформации” человеческого сознания» (Павлова, 2006: 11) — осуществляет искусственный отбор и способствует максимальной реализации каждого человека. По мнению К. Соливетти, «в этой Аркадии обнаруживаются жесткие культурные модели, не слишком отличающиеся от моделей общества образца 1921 года» (Соливетти, 1995: 313). Создавая научно-популярное произведение, представляющее собой альтернативу большевистским планам, Чаянов проводит литературный эксперимент с утопической моделью, показывая ее сильные и слабые стороны.

Библиография

- Бердяев Н. А. (1993). Смысл творчества // Бердяев Н. А. О русских классиках / Авт. вступ. ст. К. Г. Исупов; сост. и авт. коммент. А. С. Гришин. М.: Высшая школа. С. 23–224.
- Гюнтер Х. (1995). Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. М.: Наследие. С. 145–151.
- Есенин С. А. (1997). Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / Подгот. текста и коммент. С. И. Субботина. М.: Наука — Голос.
- Есенин С. А. (2005). Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 5. Проза / Составление, подготовка текстов и коммент. А. Н. Захарова, С. П. Кошечкина, Е. А. Самоделовой, С. И. Субботина и Н. Г. Юсова. М.: ИМЛИ РАН.
- Замятин Е. И. (2003). Мы // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М.: Русская книга. С. 211–368.
- Замятин Е. И. (2004). О синтетизме // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Лица / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М.: Русская книга. С. 164–172.
- Казнина О. А. (2003). Евразийский комплекс идей в литературе // Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН. С. 214–287.
- Кириллов В. Т. (1923). Первомайский сон // Синеблужный май. Литературно-художественный сборник. М.: Издательство ВЦСПС. С. 77–86.
- Маяковский В. В. (1957). IV Интернационал // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 4 / Подгот. текста и примеч. В. А. Арутчевой и Э. С. Паперного. М.: Гос. изд-во худож. литературы.
- Маяковский В. В. (1957а). Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 6 / Подгот. текста и примеч. И. С. Эвентова, Ю. Л. Прокушева; ред. С. А. Коваленко. М.: Гос. изд-во худож. литературы.
- Михаленко Н. В. (2016). Символика Вавилонской башни в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова // Проблемы исторической поэтики. № 14. С. 428–440.
- Никё М. (1992). Об одной ранней советской утопии: Первомайский сон В. Кириллова // *Revue des études slaves*. Vol. 64. № 4. P. 603–617.

- Никулин А. М. (2020). Школа Чайанова: утопия и сельское развитие. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Павлова О. А. (2006). Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01 Волгоград.
- Платонов А. П. (2000). Котлован: Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука. С. 21–116.
- Семенова С. Г. (2001). Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие.
- Скороспелова Е. Б. (2006). Русская проза 1917–1950-х годов // История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 68–160.
- Соливетти К. (1995). Утопия или метаутопия? // Вторая проза. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e. Storiche. С. 297–314.
- Чаянов А. В. (2006). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Московская гофманиада / Послел. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М.: Издательский дом ТОНЧУ. С. 217–275.
- Чаянов А. В. (1926). Старая западная гравюра: краткое руководство для музейной работы / Предисл. Н. И. Романова. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых.
- Чертков Л. Н. (1989). А. В. Чайанов прозаик // История парикмахерской куклы и другие сочинения ботаника Х. Нью-Йорк: Russica Publishers. С. 39–42.

Utopian idea in the Russian literature of the 1920s–1930s (The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia by A. V. Chayanov in the context of the era)

Natalia V. Mikhalenko, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Abstract. Alexander Chayanov's book *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* is deeply rooted in the late 19th — early 20th century's literary and philosophical ideas. His utopia was influenced not only by the futuristic projects of William Morris, Thomas Moore, Edward Bellamy and other authors mentioned in the book, but also by the ideas interpreted in the works of Vladimir Mayakovsky, Vladimir Kirillov, Evgeny Zamyatin, Andrei Platonov, and others. The picture of the peasant paradise presented by Chayanov's economic ideas is similar to the dreams of the neo-peasant poets about an 'izba paradise' (*izba* — a traditional Russian farmstead), preservation of traditional values and folk culture. Technological achievements are described in the works of Mayakovsky and Zamyatin, and Chayanov's utopia adds the ability to control meteorological processes. The writers' reflections on the future man were influenced by their interpretation of future theurgic ambitions and their possible results (artificial selection, strict regulation of many spheres of life, compulsory realization of gifts and talents, separation or even extermination of dissenters, etc.). The futurologist ideas about the development of society, science, art and culture, implemented in different art forms, were tested to check the man's ability to identify the limits of his power over his own nature while not attempting to suppress or change according to the challenges of technology.

Key words: utopia, utopian idea in the Russian literature of the 1920s–1930s, Alexander Chayanov, Alexander Bogdanov, Sergey Esenin, Vladimir Mayakovsky, Andrei Platonov, Evgeny Zamyatin

- Berdyayev N. A. (1993) Smysl tvorchestva [The meaning of the creative act]. Berdyayev N. A. *O russkikh klassikah*; avt. vstup. st. K. G. Isupov; sost. i avt. komment. A. S. Grishin, Moscow: Vysshaya shkola, pp. 23–224.
- Gunter H. (1995) Kotlovan i Vavilonskaja bashnja [The foundation pit and the Tower of Babel]. "Strana filosofov" *Andreja Platonova: problemy tvorchestva*, vol. 2, Moscow: Nasledie, pp. 145–151.
- Esenin S. A. (1997) *Polnoe sobranie sochinenij. Stikhotvorenija (Malenkie poemy)* [Complete Works, vol. 2 (Little Poems)], podgot. teksta i komment. S. I. Subbotina, Moscow: Nauka — Golos.
- Esenin S. A. (2005) *Polnoe sobranie sochinenij. T. 5. Proza* [Complete Works, vol. 5.]. Sost., podgot. tekstov i komment. A. N. Zakharova, S. P. Koshechkina, E. A. Samodelovoj, S. I. Subbotina i N. G. Jusova, Moscow: IMLI RAN.
- Kaznina O. A. (2003) Evrazijsky kompleks idej v literature [Eurasian ideas in literature]. Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. *Filosofsky kontekst russoj literatury 1920–1930-godov*, Moscow: IMLI RAN, pp. 214–287.
- Kirillov V. T. (1923) Pervomajskij son [A dream on May Day]. *Sinebluzy maj. Literaturno-khudzhestvenny sb.*, Moscow: VCSPS, pp. 77–86.
- Mayakovsky V. V. (1957) IV Internatsional [The Fourth International]. Mayakovsky V. V. *Polnoe sobranie sochinenij*, podgot. teksta i primech. V. A. Arutchevoj i Z. S. Papernogo, Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., vol. 4.
- Mayakovsky V. V. (1957a) *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 6, podgot. teksta i primech. I. S. Eventov, Ju. L. Prokushev; red. S. A. Kovalenko, Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit.
- Mikhajlenko N. V. (2016) Simvolika Vavilonskoi bashni v "Puteshestvii moego brata Alekseja v stranu krest'ianskoi utopii" A. V. Chaianova [The symbol of the Tower of Babel in Alexander V. Chayanov's book *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no 14, pp. 428–440.
- Nikyo M. (1992) Ob odnoj rannej sovetsoj utopii: Pervomajskij son V. Kirillova. [On an early Soviet utopia: A dream on May Day by V. Kirillov]. *Revue des études slaves*, vol. 64, no 4, pp. 603–617.
- Nikulin A. M. (2020) *Shkola Chayanova: utopiia i selskoe razvitie* [Chayanov's School: Utopia and Rural Development], Moscow: Delo.
- Pavlova O. A. (2006) *Russkaja literaturnaja utopiia 1900–1920-h gg. v kontekste otechestvennoj kultury*, avtoref. dis. d.f.n. [Utopia in the Russian Literature in the 1900s — 1920s in the Context of the Russian Culture]. Volgograd: Volgogradskij gosudarstvenny universitet.
- Platonov A. P. (2000) *Kotlovan: Tekst, materialy tvorcheskoi istorii* [The Foundation Pit: Text, Materials of the Creative Story], Saint Petersburg: Nauka, pp. 21–116.
- Semenova S. G. (2001) *Russkaja poezija i proza 1920–1930-h godov. Poetika — Videnie mira — Filosofija* [Russian Poetry and Prose in the 1920s — 1930s. Poetics — World-view — Philosophy], Moscow: IMLI RAN, Nasledie.
- Skorospelova E. B. (2006) *Russkaja proza 1917–1950-h godov [Russian prose in the 1917–1950s]. Istorija russoj literatury XX veka (20–50-e gody): Literaturny protsess [The History of Russian literature of the XX century (20–50s): The literary process]*, Moscow: MSU, pp. 68–160.
- Solivetti K. (1995) Utopija ili meta-utopiia? [Utopia or meta-utopia?] *Vtoraja proza*, Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e. Storiche, pp. 297–314.
- Chayanov A. V. (2006) Puteshestvie moego brata v stranu krest'janskoi utopii [The Journey of my Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia]. Chayanov A. V. *Moskovskaja gofmaniada*, poslesl. V. B. Muravieva, primech. V. B. Muravieva, S. B. Frolovoj, Moscow: TONCHU, pp. 217–275.

Н. В. Михаленко
«Утопическое
начало в русской
литературе 1920–
1930-х годов»

- Chayanov A. V. (1926) *Staraja zapadnaja gravjura: kratkoe rukovodstvo dlja muzejnoj raboty* [Old Western Master Print: A Brief Guide to Museum Work], s predisl. N. I. Romanova, Moscow: M. i S. Sabashnikovyh.
- Chertkov L. N. (1989) A. V. Chayanov prozaik [Chayanov as a Writer]. *Istorija parikmaherskoj kukly i drugie sochinenija botanika X.* [A Story of the Hairdresser's Doll and Other Works of the Botanist X.], New York: Russica Publishers, pp. 39–42.
- Zamyatin E. I. (2003) Мы [We]. *Sobranie sochinenii*, vol. 2. Rus, sost., podgot. teksta i komment. S. S. Nikonenko i A. N. Tiurina, Moscow: Russkaia kniga, pp. 211–368.
- Zamyatin E. I. (2004) O sintetizme [On synthetism]. *Sobranie sochinenii*, vol. 3. Litsa, sost., podgot. teksta i komment. S. S. Nikonenko i A. N. Tiurina, Moscow: Russkaia kniga, pp. 164–172.